

Даниел Варужан

Сборник стихов “Из западноармянской поэзии”.

Перевод с армянского АЛЛЫ ТЕР-АКОПЯН

ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомленно.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспаленных.

Струна замолкла. В обмороке стон
Тут бродит. Тяжкий сон нетрезво дышит.
Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Надкусан был он опьяненной женщиной -
В нее он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мертвой бабочкою пышнокрылою
На стуле веер кем-то позабыт.

А из двери, в ночи открытой настежь,
Вздох мускуса еще не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,
Исподтишка Целует раб рабыню.

АСТХИК*

Осталась шея мраморная целой
И гордой — ныне, средь веков разрушенных.
И лилией она взметнулась белой,
Власть обрета над Избранными Душами.

В глазах твоих — живое небо эллинов,
Вся суть его: сияние и кров.
Да, ты легла, резцом ранима гения,
Чтоб хлынула душа из мраморных зрачков,

Чтоб жизни, женственности, нежности учил он
Тебя, пенорожденную...

Еще
Солоноваты капельки пучины
На ямочках твоих оживших щек.

Но руки где, Астхик?
Они погружены
В твой океан, бунтующий вдали?..
Так хочется найти любви жемчужину,
Чтоб ею увенчать чело Земли.

** Астхик — богиня любви в армянской мифологии.*

ИЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу ,чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячему миру
Хмеля полное женское тело...

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той наготой
Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Мне зарезанным быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

ПОСЛЕ КУПАНИЯ

Из моря выйти и с тобой
Пройтись бы берегом синебоким.

И косы, полные волной,
Пусть сушатся на солнцепеке.

И к лону теплomu песка
Прильнет нога твоя нагая.
И кинется волна ласкать,
Лобзать ее... не настигая.

Хмельной от моря, в море глаз
Твоих под солнцем окунусь я.
Вниз — волосы! И плеч коснутся,
И станут сохнуть, золотясь...

НАВАСАРД*

Ты гений Гайка** в Навасард под жгучим солнцем
Возвеличь!
Вот лира! Встань из пепла, пой и славословь
И славокличь!

Во имя Силы, Красоты ты с факелом
Под божий кров
Вступи, святыни окропи, и станет все —
Огонь и Кровь!

Стакан гранатного вина к сосцам прекрасной Анаит***
Вздымай смелей!
Напиток пламенный, густой на сердце гибнущих творцов
Легко пролей!

Мы мрамор девственный возьмем, чтя Семя, Племя
И Любовь.
Нам — Детям Августа — ваять святой Зари
Живую Новь.

* Навасард — языческий новый год, праздновался в август.

** Гайк — по преданию прародитель армян.

*** Анаит — богиня красоты и плодородия.

О, ТАЛИТА...

Красным светом горит и горит во тьме
Погребок твой, о Талита! Пива мне!

Пусть по пальцам твоим бежит
Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —
Весь холеный и тонкий весь.
И неважно, что всякий простолюдин
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо
Под назойливый липкий грим.
Будят похоть они в дряхлом теле вельмож —
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что, вырастил «свет» —
Только деньги в почете у них.
Услаждают себя они страстью собак
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!
Сядь ко мне на колени скорей!
Пусть покажутся икры в черных чулках
Под короткою юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,
Пусть поет захмелевший ашуг
И слепые зрачки устремляет на нас,
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои,
Опусти их в хрустальный бокал
И покачивайся на коленях моих,
Чтоб желанья миг созревал.

И неважно, что губы твои матросня
Искусала — скорей забудь,
Что пролился пот вождельенья густой
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,
Как беспечный пьяный солдат.
Выжму кружку до капли последней, а ты
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,
Святотатствовать, чтоб не рыдать.
И плебейке принес я душу свою,
Чтоб за кружку пива продать!

СВЕТ

*«Сияешь ты во имя величия и жертвы»
Ригведа*

Я к свету — к роднику — иду.
И долог путь, и кремнем он мощен
Шипами мирты весь усеян он.
Мой путь в излучинах.
С изломленным лучом
Он схож, И дрожь в коленях не унять.
С колен моих, что пригвоздили братья,
Кровь брызжет горячо.
В груди одышка, на ресницах пыль.
А сердце — мой кувшин пустой,
И с ним я к свету — к роднику — иду...

Прекрасен свет, высокий, проливной,
И праведен наклон его лучей. .
Однажды я над свежей могилой
Героя старого деревни нашей
Увидел облачко святое, что давно
Моею мамою освящено.

Был полдень. А душа ее была,
Как бабочка огромная, бела
На влажном камне под моим окном.
Потом
И с тротуара, и с поруганных дорог
Ее святое снисхождение
Вдруг потекло парным и теплым молоком.
А вечером от горизонта к горизонту,
Приняв обличье яхонтовых рек,
Ко мне спешил ее священный бег,
Потом
На мирных смуглых небесах
Прудами грез она внезапно обернулась.
В них вспыхивали островки кувшинок.
Я это видел,
И во мне проснулось
Скитальца-мученика смутное желанье
Брег солнца на земле на этой обрести.
И вот иду я к свету — к роднику...

О, Свет, рожденный богом,
Венец высоких помыслов моих,

Вино вселенской радости, что в сумерках
Хлестало лавою из ребер Иисуса,
Как всепрощение стекая вниз,
В пустые чаши безнадежности людей,
Собравшихся вокруг стола Греха...

Свет — кровь природы,
Корона ночи, одеянье дня.
Свет — Око Агни*.
И схож он с матерью,
Скончавшейся при родах,
Создавшей Агни с огненным зрачком.
Дух Агни каждою весной трепещет
В мельчайшей клетке,
В каждой мысли человека,
Для коего еще дымятся жертвы
На Ганге, на берегах заветных, вещей.
А я все к свету — к роднику — иду...

Свет — мрамор тех, небесных, рудников...
Искусство из него в своей бессмертной грезе
Нам снежнотелых выточит богов.
И мрачных Данте, и таких гигантов,
Каков Гомер, — ему еще рожать.
И в лоне света мудрость — это песня.
Ее поэты пьют в ночи со звезд,
Чтоб утром ею одарить людей.
Свет на заре всех наделит собою,
Оставшись неделимым, как просфира,
Что к нам на стол спускается с небес
Великим таинством явления бога,
Принявшего обличье человека.
А я все к свету — к роднику — иду...

* Агни — индийский бог света и огня.

И сколько тысяч, сколько тысяч лет
Мне так шагать, минуя поколенья,
И сколько падать мне, и в кровь колени
Мне разбивать и исцеляться вновь
Дорогою, распахнутою настезь
Крушащим скалы молотом моей
Светозаветной цели?
Не знаю я...

О, братья, распинающие братья!
В пути меня оставьте одного —
Настолько одного, в таком безмолвьи,
Чтоб я услышал сердца перестук.
Ведь это песня, избранная мною
Средь многозвучья песен на земле.
В ней солнце — вечный след его и зов...
Нет, под ноги мне не стелите тень
Свою, что схожа с коршунов крылами,
И не прельщайте вы меня пирами,
Где ваш разврат всюду звенит на бубне,
Где обещанья слиты с суетой
И только повторяют суету...
О, девы!
Сердце — мой кувшин пустой,
И с ним я к свету — к роднику — иду...